

© ЭО, 2006 г., № 1

Т.П. Федянович. Рец. на: **Баня и печь в русской народной традиции** / Отв. ред. В.А. Липинская. М.: INTRADA, 2004. 287 с.

В последние годы Институт этнологии и антропологии РАН подготовил и издал ряд исследований, посвященных отдельным сторонам традиционной народной культуры (Традиционное жилище 1997; Традиционная пища 2002; Хлеб 2004). В этих работах различные традиционные компоненты рассматриваются в разных аспектах и на достаточно большой территории. Видное место среди таких исследований занимает рецензируемая коллективная монография – первый научный труд, посвященный изучению истории русской бани на протяжении длительного периода времени – с X по XXI в. В нем впервые прослеживается формирование гигиенической традиции русского народа в течение тысячелетия и в разных экологических условиях. Тема бани исследуется в историко-культурном, лингвистическом и фольклорном аспектах. В соответствии с этим в монографии можно выделить три части: в первых четырех главах формирование гигиенической традиции рассматривается в регионально-географическом плане, в гл. 5 исследуется ее лечебно-медицинский аспект, в шестой и седьмой главах освещается роль бани и печи в духовной жизни народа.

Большинство авторов монографии – научные сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, а также преподаватель Вологодского педагогического института А.А. Желтов и директор “Ассоциации культурно-спортивные оздоровительные комплексы” И.И. Гольдин. Эта книга – первая из планируемой серии публикаций “Бани народов мира”, которая будет осуществляться ИЭА РАН. Особенно ценно, что основным источником при ее написании стали данные полевых исследований, проводившихся на большей части территории Российской Федерации. Были использованы также труды исследователей смежных специальностей, краеведческая литература, мемуары, статистические данные, материалы центральных и местных архивов и др.

В обстоятельном “Предисловии” (автор В.А. Липинская) определена задача монографии – изучение истории формирования гигиенических традиций, выявление роли бани в быту русского населения и особенностей ее современного бытования. Следует отметить, что поставленные задачи остаются актуальными и в настоящее время, когда обострилась проблема сохранения здоровья нации. В этой связи многовековой опыт русского народа по использованию сухого тепла, сухого и влажного пара, смены температур приобретает первостепенное значение.

Исследование показало, что у русских традиции гигиены (мытьё, парение, обмывание чистой водой) в целом едины, но в деталях имеют некоторые региональные различия, совпадающие в основном с историко-культурными зонами Европейской части страны – северной и южной. До недавнего времени считалось, что для Севера типично широкое распространение бани, а в южной зоне мылись в печи. Однако и на Севере, и на Юге мылись как в бане, так и в печи. Поэтому возник вопрос о приоритете того или иного обычая. Некоторые исследователи считали, что способ мытья и парения в печи – наиболее древний. Однако существовала и противоположная точка зрения. В.А. Липинская полагает, что в любом варианте именно возле печи происходило формирование русской гигиенической традиции с использованием тепла и пара. Значит ли это, что приоритет в русской гигиенической традиции принадлежит печи? Автор предисловия оставил этот вопрос открытым. В некоторой мере он рассматривается в последующих главах.

Так, в гл. I – “Бани и банные традиции Северной и Центральной России” – А.А. Желтов тщательно прослеживает географию распространения традиции мытья в бане и в печи. Их локализацию он связывает с зонами расселения отдельных групп восточных славян. Автор высказывает аргументированное мнение о том, что севернорусская баня появилась не позднее IX в., а к X в. она уже была известна во многих районах Новгородской земли. Основываясь на особенностях русской бани, автор приходит к выводу о ее местном происхождении, указывая, что “обла-

стью возникновения традиции русской бани следует считать территории вблизи Балтийского моря – бассейн Западной Двины и район вокруг оз. Ильмень” (с. 34). Распространение традиции мытья в бане было связано с происходившими на протяжении столетий крестьянскими миграциями. В частности, автор прослеживает (на ограниченном материале) процесс вытеснения банной традицией обычая мытья в печи.

Оформление традиции мытья в печи А.А. Желтов относит к XVI в. – к тому времени, когда появились печи необходимого для мытья в них размеров. По его данным, традиция мытья в печи была характерна для Центральной России. В конце XIX – начале XX в. она была известна и к северу от Верхней Волги.

Глава насыщена фактическим материалом, в том числе результатами полевых исследований автора. Ее география шире названия – освещаются и банно-гигиенические традиции Брянской обл., юго-западных земель, Среднего Поволжья – зоны расселения севернорусской этнографической группы.

Автор гл. II – “Баня и русская печь в быту южнорусского населения” – Л.Н. Чижикова рассматривает традицию мытья в бане и в русской печи на обширной территории, которую этнологи выделяют как южнорусскую историко-культурную зону. По административному делению XIX – начала XX в. – это Тульская, Орловская, Тамбовская, Курская, Воронежская, большая часть Рязанской и Калужской губерний.

Автор отмечает, что южнорусская степь, которая относится к районам сравнительно ранней славянской колонизации, была местом, где “различные потоки древнего славянского населения скрещивались между собой и с древним финно-угорским этническим субстратом” (с. 69). И позднее для этой зоны было характерно интенсивное миграционное движение населения. Именно эти факторы определяли особенности формирования многообразия локальных вариантов бытовой культуры данной территории и, в частности, использования русской печи и бани. На юге Черноземья баня была распространена меньше, чем в северных и среднерусских губерниях; здесь чаще парились в русской печи. Вместе с тем традиция мыться в бане издавна была известна на этой территории. Однако до начала XX в. бани чаще строили в городах, причем в основном это были общественные (торговые) бани.

Наиболее раннее свидетельство о печной традиции мытья относится к XVI в., что совпадает с мнением А.А. Желтова. В XIX – начале XX в. этот обычай бытовал в центральных районах России – в Ярославской, Тверской, Московской, Владимирской и Вологодской губерниях. При этом во многих районах здесь встречались обе традиции – банная и печная. На протяжении XX в. традиция мытья в печи постепенно сходила на нет, а банная – распространялась.

Существенно, что в главе уделено внимание и вопросу происхождения русской печи. По этому поводу ученые высказывали разные мнения, однако единого решения не было найдено. Л.Н. Чижикова считает, что судя по данным письменных и археологических источников, основные конструкции духовой печи и ее положение в южнорусском жилище XIX в. имеют древние традиции и формировались в XII–XIII вв., но восходят к более ранним периодам. Русская печь широко использовалась в сельской местности и в малых и средних городах южной России и продолжает свое существование до конца XX в.

Автор последовательно прослеживает совершенствование конструкции русской печи на протяжении XX в., а также ее замену в конце XX в. более современной системой отопления. С этим связано практически полное исчезновение обычая мыться в печи.

Автор гл. III – “Бани Москвы и Подмосковья” – И.И. Гольдин, опираясь на сведения из литературных источников, картографические и изобразительные материалы, а также на данные собственных опросов, личные наблюдения и опыт, пришел к выводу, что Москва и ее регион занимают промежуточное положение между севернорусскими областями с традициями парения в бане и южнорусскими, для которых было характерно парение в печи. Автор предполагает, что в столице могли сосуществовать обе эти традиции. В то же время он делает вывод о том, что Москва была основана в зоне печной традиции.

Развитие банной традиции в Москве прослеживается автором на протяжении длительного периода – от XVII–XVIII вв. вплоть до настоящего времени (показано возрождение банной традиции на новой основе на садовых участках, создание банно-оздоровительных комплексов).

И.И. Гольдин отмечает, что в XVII–XVIII вв. и позднее в Москве существовали частные и общественные бани, которые стали строить на Руси с XI в. Частные бани в большей мере были присущи сельской местности, хотя имелись и в городах. В XIX в. число частных бань сокращается, а общественных – увеличивается. В это время они появляются и в уездных городах Московской губ. В результате массового строительства общественных бань происходило вытеснение индивидуальных бань и обычая мытья в печи. Вместе с тем, по данным автора, повсеместно почти до середины XX в. практиковалось и мытье и парение в печи. При этом в подмосковных селениях преобладала печная традиция, а в Москве бытовали обе традиции – банная и печная.

В гл. IV “Банные традиции в Сибири” В.А. Липинская впервые обобщает сведения о сибирской бане, содержащиеся в различных документах, преимущественно архивных, а также в немногих публикациях. Однако основным источником при ее написании стали личные материалы и наблюдения автора, относящиеся к последней трети XX в. Сравнительно позднее расселение русских в Сибири позволило автору сделать это с большей достоверностью, чем применительно к Европейской части страны.

В.А. Липинская пишет, что поскольку заселение Сибири шло как по пути государственного строительства городов, крепостей, острогов и других населенных пунктов, так и вольным переселением крестьян, в регионе строили бани городские (государевы, или казенные) и частные (домовые) в соответствии с севернорусскими традициями.

Как предполагает автор, в начальный период обустройства на новом месте переселенцы могли использовать для мытья и парения избушки печи. Во второй половине XIX в. этот обычай получает более широкое распространение в связи с массовыми переселениями за Урал крестьян из южнорусских губерний.

Со временем банные традиции в изучаемом регионе стали включать особенности разных мест; в них появлялись и новшества, использование опыта соседних народов. В результате складывались особые, сибирские банные традиции, способствующие, как пишет автор, закаливанию и укреплению здоровья сибиряков. В главе освещены многие вопросы, связанные с местоположением бани на усадьбе, ее устройством и планировкой, системой обогрева и др.

Гл. V “Баня и печь в русской народной медицине” также написана В.А. Липинской. Автор отмечает, что способы лечения в бане складывались в течение длительного времени и носили комплексный характер, включая в себя как использование горячей воды и горячего воздуха и пара, так и приемы народной медицины – фитотерапию, мануальную терапию, воздействие словом, магические приемы и др. Весьма интересен раздел о магических представлениях, связанных у русского народа с баней. В гигиенических и лечебных приемах, использовавшихся в бане, В.А. Липинская выявляет следы культа сил природы (растительности, огня, воды и др.), которые сменились позднее языческими представлениями о духах, а затем христианскими воззрениями. Следы древних культов сохранялись в суевериях и символах даже в XX в., что выявляется в приводимых автором фольклорных материалах. В этой связи показано, какое значение придавалось при мытье и лечении духам-хозяевам дома и бани.

В главе интересно раскрыта роль очага в народной медицине. Печь вплоть до конца XX в. повсеместно бытовала в регионах Сибири и Европейской части России. Автор описывает лечение в бане, в русской печи и возле нее, на лежанке печи. С этим направлением народной медицины сочеталось использование молитв и заговоров, в которых печь и ее элементы выступали как активные живые существа. В целом автор выделяет два направления в народной медицине: первое – с использованием рациональных приемов: прогревание теплом, применение проdezинфицированных огнем предметов, наблюдение за пламенем и дымом, что требовало обязательного присутствия больного; второе – с использованием магических приемов, при которых воздействие на больного могло проводиться с помощью слова, через посредников и т.п. Особый раздел посвящен родам – в печи и в бане, а также гигиене роженицы и новорожденного.

По мнению автора, успешному лечению в бане способствовало рациональное устройство русских бань – в отличие от бань южных стран они, в основном, были срубными и компактными, с использованием вертикальных и горизонтальных конструкций, что позволяло создавать различный тепловой режим в одном помещении. Эти основные особенности совершенствовались при обустройстве в городах общественных бань.

Проследившая роль бани в XX в., В.А. Липинская отмечает ее значение как санитарно-гигиенического, профилактического и лечебного комплекса. Со второй половины этого века в связи с изменением условий жизни в городах значительно сократились традиции парения, в то же время баня распространяется на новые территории, сохраняется и укрепляется вера жителей страны в профилактическое значение регулярного мытья и парения. Повышение комфортности общественных и индивидуальных бань, по мнению автора, усиливает благоприятное воздействие банных процедур на укрепление здоровья.

В книге отражена также роль бани и русской печи в обычаях и обрядах, описаны поверья и представления, связанные с ними мифические персонажи. Исследованию роли бани в духовной стороне жизни русского народа посвящены две последние главы. Следует отметить, что эта тема исследуется авторами впервые. Так, автор гл. VI “Баня в вологодском свадебном обряде (по материалам XIX – начала XX в.)” Т.С. Макашина подробно освещает роль бани в свадебном обряде вологодских крестьян. Глава насыщена фольклорным материалом, отражающим локальные варианты этого обряда. Автор показывает, насколько сложно было понимание банного обряда в фольклоре. Почти в каждом селении слагали свои песни, разыгрывали те или иные свадебные действия в бане или в доме у печи. Т.С. Макашина приходит к выводу, что “баня” была сложным обрядово-фольклорным действием, одним из основных ритуалов северной свадьбы.

Связь банной традиции с духовной культурой народа, его обрядами и досугом, времяпрепровождением отражена и в гл. VII “Игры и гадания в бане”. Ее автор – И.А. Морозов – отмечает, что практика азартных игр в бане, идущая из средневековья, местами сохранялась и в начале XX в. Баня в статье предстает как древнее жилище, отражающее языческий пласт культуры. Поэтому она избиралась местом посиделок, тайных собраний молодежи, развлечений, связанных с гаданиями. На основе большого фактического материала (быличек, сообщений информантов и др.) автор приходит к выводу, что баня и печь в XIX–XX вв. сохраняли значение сакрального места, где обитали различные домашние духи, а по более древним представлениям – духи предков. В результате утверждения христианского мировоззрения сакральное место становится “нечистым” и “богомерзким”, а обитающие в нем духи – бесами и “нечистью”. Однако у части русского народа сохраняют актуальность оба эти представления, т.е. сакральное место может осмысливаться и как положительное, и как отрицательное.

“Заключение” (автор В.А. Липинская) содержит анализ материалов, рассмотренных в книге, в нем делается вывод о самостоятельном развитии русской гигиенической традиции, в которой важную роль играла паровая баня. В.А. Липинская отмечает, что хотя установить точное время появления паровой бани не представляется возможным, материалы авторов монографии свидетельствуют о том, что формирование народной гигиенической традиции, основанной на ее использовании, происходило с начала I тыс. н. э. в среде древнеславянских племен на обширной территории их расселения в Восточной Европе. По мнению автора, есть основания утверждать, что выделение двух направлений в развитии традиции омовения – банной и печной – определяется появлением у восточных славян двух типов очага – печи, сложенной из камня, и появлением к XII–XIII вв. в лесостепной зоне глинобитной печи. В то же время, пишет В.А. Липинская, из письменных источников известно, что уже в X в. традиции омовения у славян различались, в частности, парение с веником в бане было характерно для северной зоны. Это согласуется с экологическими условиями, поскольку южная степная зона бедна лесами. Тем не менее вопрос о месте формирования традиции требует дальнейших исследований.

В.А. Липинская заключает, что в единой традиции парения на протяжении X–XVIII вв. выделились три варианта, каждый из которых соответствует условиям той или иной экологической зоны. Печная традиция со временем уступала свои позиции и в XX в. практически была утрачена. В то же время баня вместе с потоками мигрантов распространилась на огромных просторах

Зауралья, где сложился местный вариант – сибирская баня. В наши дни продолжается развитие банной традиции, она распространяется на новые территории, одновременно происходит и ее модернизация.

Существенно, что в заключительном разделе монографии впервые дана четкая характеристика основной специфики русской паровой бани. Кроме того, показано, что баня является не только местом проведения гигиенических и лечебных процедур. Она играет заметную роль в обрядах жизненного цикла, в которых нашел отражение синкретизм народного мировоззрения. Таким образом, баня продолжает занимать значительное место в быту русского народа.

В рецензируемом труде уделено большое внимание гигиеническим и лечебно-профилактическим традициям русских, связанным с баней и русской печью. Вместе с тем с русской печью связаны и другие традиции – приготовления пищи, обогрева жилища и т.п. Об этом нелишне было бы упомянуть во “Введении”. Да и обычай мыться в печи в книге освещен слабее, чем банная гигиеническая традиция. К сожалению, в книге встречаются некоторые досадные опечатки (“крещение России”), разночтения отдельных терминов (“северорусский” и “севернорусский”).

Эти частные замечания нисколько не умаляют научной ценности рецензируемой книги. Думается, что познакомиться с ней будет интересно и полезно не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся традициями и бытом русского народа. Книга прекрасно оформлена, богато иллюстрирована репродукциями картин известных русских художников и фотографиями. Все эти материалы делают более наглядным содержание отдельных глав.

Книга снабжена предметным указателем; в ней приведена обширная библиография публикаций о бане.

Литература

- Традиционное жилище 1997 – Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997.
- Традиционная пища 2002 – Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2002.
- Хлеб 2004 – Хлеб в народной культуре. М., 2004.

© ЭО, 2006 г., № 1

Ч.Б. Ондар. Рец. на: *Н.П. Москаленко. Этнополитическая история Тувы в XX веке.* М.: Наука, 2004. 222 с.

В последние годы во всем мире существенно возрос интерес к актуальным проблемам этнополитики. Факторы, определившие этот интерес, более чем очевидны. Обращение общественности и ученых России к подобным вопросам отражено во многих публикациях.

Рецензируемый труд, изданный под грифом Института этнологии и антропологии РАН, – заметное событие в этнополитологии. Н.П. Москаленко на тувинском материале убедительно обосновала правомерность выделения в рамках данной науки отдельной дисциплины – исторической этнополитологии. Автор исходит из того, что этнополитология современности исследует текущие этнополитические процессы, а историческая этнополитология рассматривает эти процессы в ретроспективе, хотя, разумеется, указанные дисциплины тесно взаимосвязаны (Москаленко 2004: 6).

Обосновывая выбор своего исследования, Н.П. Москаленко справедливо отмечает, что Тува (прежнее название – Урянхайский край), находящаяся в географическом центре Азии, длительное время была одним из центров столкновения геополитических и этнополитических интересов сопредельных государств, прежде всего Китая, России и Монголии. Интерес к данной теме связан и с тем, что Тува – единственный субъект Российской Федерации, не входивший в ее со-